

«Это действительно так?» - спросила Джейна Пул. «Я думала, это было, когда лорд Робб сражался с принцессой Джоан».

«Да, - кивнула Бет Кассель, - отец хвалил ее мастерство владения копьем, говорил, что с каждым днем она становится все лучше».

Это была новость для Кейтилин. Это заставило ее внимательнее присмотреться к племяннице. «Когда это случилось?» - с любопытством спросила она.

Кэт помнила, как Джоан впервые прибыла в Винтерфелл с мужем со Стены. Она пыталась оторвать ее от копья и лука, опасаясь, что влияние одичалых разрушит перспективы будущего замужества девушки. Кэт продолжала бы попытки, но она не была слепой и не была глупой. Когда она настаивала и пыталась обуздать желание девушки сражаться, Джоан подчинялась не дольше, чем это было необходимо, и, несомненно, только из-за Неда; ее манера поведения становилась все более замкнутой и более... подавленной.

Нед сказал ей, чтобы она оставила все как есть. Не считая это правильным, она подчинилась и позволила девушке продолжать свои занятия.

Джоан опустила глаза. «Прошло всего несколько дней, леди Старк», - сказала она ей. Она встала с кресла, отложила рубашку, сказала: «Прошу прощения» и быстро вышла из комнаты.

Она смотрела, как принцесса выходит из комнаты. Подобное происходило уже не в первый раз. Хотя Джоан любила Старков, от своего первенца до младшего, вместе с мужем, она избегала Кейтилин, если могла. Если же нет, она была вежлива и всегда следила за своими манерами. Но ни разу она не осмелилась посмотреть ей в глаза.

Кейтилин подошла к креслу и подняла рубашку. Она была слишком мала для Джоан. Но она была в пору маленькому мальчику. «Это рубашка Рикона?» - спросила она Сансу.

Ее дочь кивнула. «Он порвал ее, и Джоан обещала починить ее для него». Санса вздохнула. «Джоан так хорошо разбирается в ремонте. Она помогла мне починить одно из моих платьев, и я даже не заметила, где оно было порвано, когда она закончила. Не понимаю, почему она не вышивает так же хорошо».

Бет Кассель тоже вздохнула. «Хотела бы я уметь играть музыку так, как она. Все, что я пытаюсь сыграть, звучит просто ужасно».

Кейтилин знала, что все сказанное обеими девушками - правда. Джоан умела шить рваную одежду - это умение пришло к ней после жизни с одичалыми, которые заставляли ее самостоятельно изготавливать одежду и меха. Где она научилась музыке, оставалось загадкой, которую Кейтилин пока не решалась разгадать. Она часто играла добрые северные мелодии, способные заставить людей танцевать, но в редких случаях исполняла и более мрачные, гармоничные вещи, которые больше подходили южному двору.

Она еще немного поговорила с Сансой и девочками, осматривая их рукоделия. Как обычно, работы Сансы были почти идеальны: на черном полотне серебряной нитью были выложены зачатки великолепной мозаики из сигиллов домов семи королевств. Выбор Джейна Пула и Бет Кассель был менее амбициозным, но все равно весьма искусным.

Когда она оставила Сансу и ее фрейлин, ее мысли обратились к Джоан.

И снова она не была слепой и не была глупой. Все, что она видела в Джоан, когда та смотрела в ее сторону, - это тонко завуалированный страх, боязнь какого-то порицания, какого-то слова осуждения, особенно когда Кейтилин застала Джоан рядом со своими детьми.

Ответ был очевиден...

Джоан могла легко рассказывать об одичалых, о своем пребывании за Стеной, даже несмотря на все тяготы; но никогда она не осмелилась бы заговорить о Королевской Гавани.

Санса умоляла ее рассказать о столице, но Джоан отбивалась от вопросов или давала короткие ответы. Джейна спрашивала о храбрых рыцарях Королевской гвардии, и тут она говорила немного больше, но лишь о некоторых. Сир Джейме Ланнистер, сир Барристан.

Но в ее голосе, в ее глазах было то самое чувство, которое она хранила для Кейтилин и только для Кейтилин в Винтерфелле.

Она смотрела на Кейтилин, как на свои воспоминания о столице. Долгое время Кейтилин молчала на эту тему, пока однажды ее любопытство, а также... если быть совсем откровенной, беспокойство из-за того, что член королевской семьи смотрит на нее как на плохое воспоминание, не заставили ее поговорить с единственным человеком, с которым она могла об этом поговорить: Неду.

Она вошла в его солярий как-то вечером, несколько месяцев назад, и увидела, что он хмурится над бумагами на своем столе.

Он был встревожен. «Новости из Эссоса и Королевской Гавани, - сказал он ей, указывая на два письма. «Роберт снова поднялся в рядах Золотой роты».

Одно это имя почти вытеснило из ее головы мысли о Джоан. Нед, к ее ужасу, все еще считал Роберта Баратеона своим другом. И общение с этим другом могло означать смерть для нее и всей ее семьи.

Для нее Роберт Баратеон был трагическим глупцом.

На Трезубце, когда Рейегар ехал со знаменем мира и умолял остальных обратиться к нему, чтобы свергнуть Безумного короля, лорд Штормового Предела был единственным, кто

отказался. Он бежал в Эссос, и лорды Семи Королевств выбросили его из головы, слишком озабоченные Эйерисом и стабилизацией королевства, которое, казалось, все еще находилось на грани открытой войны. Но Нед получил записки о том, что Роберт сделал в Эссосе. Поначалу она не знала, кто посылает ему эти записки, но когда спросила, он сказал, что это Варис, Мастер шепота, и они были посланы из «вежливости».

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://tl.rulate.ru/book/120759/5024861>